

МИФЫ. НАРОДЫ. ГЕРОИ

УДК 398
ББК 82.3

Н. А. КРИНИЧНАЯ
(Петрозаводск)

ПРИРОДНЫЙ КАТАКЛИЗМ КАК ИМПУЛЬС К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ МИРОЗДАНИЯ (по данным мифологии)

Аннотация. В статье рассматривается цикл этиологических рассказов, основанных на архетипе сотворения/перевоссоздания мира, соотношенного с ландшафтом местности. Состязание и противоборство мифических существ — первопричина катаклизмов. Эти катаклизмы (в данном случае — водные) вызывают хаос, за которым следует переустройство мироздания. Изменение ландшафта — результат деятельности мифических сил.

Ключевые слова: этиологический рассказ, мифическое существо, противостояние, водный катаклизм, переустройство мироздания.

В этиологических рассказах природные катаклизмы осмысляются как результат противоборства между собой неких мифических сил либо противоборства между этими силами и людьми.

Если в архаических нарративах соперничающими между собой являются сами реки, то в последующих бивальщинах противостоящими друг другу изображаются их духи-«хозяева», в разной степени выделившиеся из своего озерного или речного фона. Развитие сюжета в подобных случаях определяется регулирующей функцией противоположностей, сущность которой

определена, в частности, К. Г. Юнгом: «<...> все основывается на внутренней противоположности, ибо все есть энергетический феномен. Энергия же необходимым образом основывается на некоторой предшествующей противоположности, без которой не может быть никакой энергии». Причем, по мнению психоаналитика, всегда должны быть налицо те или иные противоположности, «чтобы мог состояться процесс выравнивания, который и представляет собой энергия» [Юнг 1998].

Подобный принцип расстановки мифологических персонажей актуализируется, например, в нарративах, связанных с переустройством/переделом и восстановлением уже сотворенного мира. В нем участвуют как духи-«хозяева» водоемов, так и люди.

К данному циклу относится прежде всего этиологический рассказ о водяных-картежниках (он неоднократно публиковался в XIX в.) [Беседников 1875]. Причем водяные-картежники функционально тождественны лесным-картежникам. В различных локальных традициях соперниками могут быть изображены «хозяева» местных близлежащих водоемов или лесов. Символом противоборства мифологических персонажей служит азартная игра в карты, кости и вообще во всякие игры, приравненные по своему назначению к бросанию жребия, что связано с гаданием/предопределением.

В народных воззрениях победа одного из соперников и поражение другого обычно служит знаком сверхъестественного волеизъявления. «К жребию можно обращаться только с большим благоговением, потому что расположение жребия исходит непосредственно от бога <...>. Жребий, как утверждают,

есть дело особенного и непосредственного усмотрения божия; это — священный оракул, божественное суждение или приговор», — так определяет сущность средневековых суеверий священник Томас Гетэкер в своем трактате «О свойствах и употреблении жребиев»¹. И потому молитва, предваряющая то или иное состязание, по древним верованиям, должна была стимулировать участие божественной воли в его исходе.

Однако в нашем случае результат соперничества зависит не от стороннего волеизъявления, а от жизненной силы, физической и магической, непосредственных участников азартной игры. Так, например, согласно одному из мифологических рассказов, возможности противостоящих друг другу Онежского и Куштозерского водяных царей изначально не равны. Если первый из них владеет обширным водоемом, имеет больше «достатков» и лучше знает правила игры, то второй — хозяин небольшого озера (оно находится в 44 км от Вытегры, его площадь составляет немногим более трех квадратных километров; это самое большое из периодически исчезающих озер Вологодчины). Куштозерский водяной не знаком со всеми хитростями — и потому он едва ли не всякий раз обречен на проигрыш Онежскому царю [Беседников 1875, 768].

Несколько иная расстановка сил у леших-картежников, например, Семеновского и Заречного (по другому варианту — Семеновского и Звонковского). У обоих «хозяев» равные возможности. Победа каждого из них происходит попеременно, что соответствует древним представлениям о динамическом равновесии полярных друг другу составляющих мироздания, которые в данном мифологическом рассказе персонифицируются. В столь причудливых формах первобытным мышлением осваивалось абстрактное понятие, которое впоследствии найдет свое выражение в «теории вероятности».

¹ Трактат «О свойствах и употреблении жребиев» (1619 г.) цит. по: [Тэйлор 1939, 47—48].

После каждого выигрыша/проигрыша происходит процесс выравнивания противоположностей, определяемых оппозициями: *могущественный — слабый, богатый — бедный, свободный — подневольный* и т. д. В силу синергетической обусловленности каждый из членов бинарных оппозиций стремится выйти за пределы собственного полюса. Куштозерский водяной царь, который проигрывает одно за другим деньги, воду, рыбу и, наконец, самого себя, чтобы откупиться, вынужден уйти на заработки к своему могущественному соседу-победителю. Однако в этом закабалении есть потенциал вызволения. Отработав долг, он возвращается в свое владение. И в очередной раз равновесие в мироздании восстанавливается.

Характерно, что в рассматриваемом сюжете каждый из духов-«хозяев» водной или лесной стихии еще до конца не выделяется из своего природного «контекста». Поэтому с победой/поражением одного из игроков происходят соответствующие изменения и в связанной с ним стихии. С уходом проигравшего водяного царя вместе с ним из Куштозера исчезает и вода, и рыба. Возвращаясь же в свое владение, «хозяин» приводит с собой обратно и то, и другое. Вместе с тем проигранная вода и рыба, как и сам проигравший, на определенный период становится собственностью победителя.

Аналогичная коллизия связана и с лешими-картежниками: «<...> как за рекой появится <дичь> — значит, выиграл в карты Заречный дичь, а если в Семеново дичь появится — значит, Семеновский, вот» [Криничная 2011, 209—210]. Водяной/леший в данном случае продолжает оставаться персонифицированным воплощением вод/лесов, равно как и средоточием обилия рыбы/дичи, образ которого сформировался в рамках тотемистических воззрений.

Мифологический рассказ о водяных-картежниках имеет этиологический характер. В нем содержится наивное объяснение непонятных природных явлений — время от времени случающегося пересыхания водоема

с последующим возвращением его к прежнему полноводью. И в самом деле Куштозеро иной раз пересыхало настолько, что местные крестьяне могли в течение двух лет спокойно засеивать яровыми дно безводного озера и получать урожай, который отличался от «хлеба», посеянного «на земле горной». Здесь подспудно сохраняются представления о верхнем (в данном контексте это мир, где живут люди) и нижнем мире (обиталище мифических существ). Со временем при обследовании Куштозера выяснилось, что его вода в силу определенных причин через отверстие в карстовых воронках на какой-то период уходила в Онегу. Когда же построили плотину, озеро перестало высыхать [Беседников 1875]. Следуя фольклорно-мифологической логике, нетрудно догадаться, что с тех пор его «хозяин» больше не проигрывал в карты свое владение.

Что касается леших-картежников, то связанная с ними коллизия обусловлена иными естественными причинами: дичь появляется в том лесу, где много березовых шишек. Если же таковых здесь нет, ей приходится довольствоваться «вересковыми ягодами», передвигаясь в другой лес. Архаическое сознание персонифицировало смену природных явлений в рамках бинарных оппозиций, выработанных бытующей традицией.

Вместе с тем в рассматриваемых бывальщинах обозначена и иная версия данной коллизии, сущность которой определяется мотивом борьбы духов-«хозяев» воды за свое жизненное пространство. Основу этого мотива составляет оппозиция *свой* — *чужой*: чужой, более могущественный, водяной захватывает озеро, принадлежащее своему, более слабому, водяному. Об этом свидетельствуют достаточно типичные сетования пострадавшего из Олонецкой губ.: «<...> тутошние совсем было выжили меня из своего жилища — они выселились из соседнего озера» [Барсов 1874, 90]. Или в Новгородской губ.: «Я здешний омутник <...>, забрался в мой омут чужой омутник: житья мне нет от него» [Перетц 1894, 9]. При этом «хо-

зяева» водоемов уже заметно выделены из своей природной стихии. Они, как правило, персонифицированы и в той или иной мере антропоморфизированы. И всё же элементы их прежнего синкретизма со средой обитания продолжают удерживаться в традиции. Так, например, в облике вала, надвигающегося на берег, появляется омутник, который, однако, для вступления в контакт с людьми может предстать и в образе старичка.

Со стороны потерпевшего предпринимаются действенные меры, чтобы восстановить нарушенное в мироздании равновесие, преодолеть вторгшийся в него хаос. Лихому водяному противостоит не столько пострадавший от него собрат, сколько люди, пришедшие на помощь «хозяину» своего озера. Способы, посредством которых изгоняется лихой водяной, зависят от статуса избавителя (-ей). Так, например, священник использует для этой цели крест. Этот атрибут христианства отождествляется с очистительным огнем, испепеляющим всякого рода нечисть. Достигнув самой середины озера, где, по народным верованиям, в определенный момент осуществляется связь между мирами, он выпускает из рук крест. Такая мера оказывается действенной: «<...> вдруг поднялся рык, шум и визг: загорелось все водяное царство и сгорело дотла. Разбежались все тамошние жители» [Барсов 1874, 90]. Подобный эпизод мог бы трактоваться как борьба христианства с язычеством, если б она не велась в пользу такого же «языческого» существа, как и его антагонист. К тому же взятый священником под защиту водяной уже негативно переосмыслен: это «лембой», т. е. черт.

Согласно другому (новгородскому) варианту, действенной в аналогичном случае оказывается и длинная толстая палка (дубинка), приравненная к магическому жезлу. С помощью этого «стяжья» мужикам удается преодолеть кризисную ситуацию: изгнать из озера чужого омутника, восстановить в правах своего. Все возвращается на свои места. Правильное течение бытия восстановлено, и вместо сгоревшего во-

дяного царства будет построено новое. Спасители вознаграждены, им даруется безопасность на воде, что оценивается выше золота-серебра. Водяной (лембой, омутник) навек становится чудесным помощником своих избавителей (священника, мужиков).

В другом мифологическом рассказе необходимость изгнания лихого водяного обосновывается его негативным воздействием на течение крестьянского бытия. Такой водяной под влиянием христианских воззрений трансформировался в пришлую нечистую силу, а озеро, где эта нечисть поселилась, стало именоваться Чертовым [Георгиевский 1904; Георгиевский 1901]. Подобное мифическое существо осмысливается в качестве первопричины негативных проявлений водоема. Признаки вторгшегося в мироздание хаоса, с точки зрения носителей традиции, налицо. С озером творится нечто неладное: на нем стали появляться «сполохи» (т. е. сияние, мерцание), в тихую погоду ни с того ни с сего поднимаются волны, на спокойных водах озера вдруг начинают качаться два островка, вода кружится и все озеро волнуется. Рыба, которая в ясные солнечные дни резво плещется на всем озере у поверхности вод, больше не ловится. Она куда-то теряется, а то и вовсе исчезает. Отныне в озере тонет все живое: домашний скот и куры, даже кошки и собаки. Если водяному вздумается оседлать быка, корову или лошадь, то они либо завязнут на берегу, либо утонут в озере. Тонут и люди, которые осмелятся здесь искупаться. Какая-то сила втягивает их в воду, или мифический «хозяин» увлекает человека в глубь омута, на самое дно, схватив его за ногу. Опасаясь, народ перестал не только брать из того озера воду, но и подходить к нему даже днем. По проискам этого мифического существа в представлениях крестьян разрушаются плотины и мельницы. Ему же предписываются и всякие другие «пакости и шалости» [Георгиевский 1904; Максимов 1903, 87—90]. Все происходит так, как будто мироздание собирается вновь вернуться к состоянию первобытного хаоса, а тем самым к пред-бытию и

до-существованию, предшествующему (и уже в который раз!) новому сотворению мира. При этом сливаются воедино прошлое, настоящее и будущее.

Чтобы предотвратить катастрофу, предпринимаются действенные меры: поднимают иконы, молятся Николаю Угоднику, заказывают водосвятный молебен, окропляют озеро святой водой либо опускают туда крест. Это приносит ожидаемый результат. И всё же бегство водяного из озера сопровождается переустройством мироздания: вслед за ним потоками устремляется вода как проявление сущности самого мифического «хозяина». Несмотря на стихийную природу этого персонажа, направление движения, выбранного им для отступления, изображается отчасти как осознанное действие. Водяной не кидается ни в реку Шокшу (на восток), ни в Оренженское озеро (на север), ни в Гончинское озеро (по соседству), ни на реку Оять (к югу), потому что в любом случае путь ему преградили бы горы и возвышенности. В конце концов, сориентировавшись по сторонам света, он пускается в реку Шокшу, куда с тех пор «сделался исток» из озера. Однако на этом преобразование окружающего ландшафта не закончилось. С шумом мчатся вдаль по реке Шокше, изгнанный водяной зацепился ногой за остров, протащил его за собой верст пять и смог сбросить с ноги лишь посередине своего пути вдоль по реке. Согласно этиологическому мифу, это был Шокшостров. А затем изгнанник ушел в Ладожское озеро.

Осмысливаемое в рамках ойкумены мироздание восстанавливается с устранением первопричины хаоса. С тех пор, несмотря на большую глубину, в этом озере никто не тонет, оно вновь изобилует рыбой, только лещи куда-то подевались, их нет до сих пор. Можно предположить, что лещ некогда служил зооморфной ипостасью самого духа-«хозяина» водоема. И потому изгнанием водяного обусловлено исчезновение здесь лещей, с ним традиционно соотнесенных. Знаком-символом восстановления мироздания служит и мельница, построенная на ручье, кото-

рый прорыл водяной, спасающийся от креста. Ведь мельница — это метафорическая замена колеса, которое, подобно кругу, символизирует жизнь и судьбу (ср. с фразеологизмом *колесо Фортуны*). Мироздание не просто восстанавливается — оно христианизируется. Озеро, из которого посредством креста был изгнан лихой водяной, согласно народной этимологии, стало называться Крестным/Крестозером или Крестнозером/Креснозером, а ручей, прорытый водяной силой, — Крестным. Подобные номинации диаметрально противопоставлены таким названиям, как Чертово озеро либо Чертова канавка, где ранее обитал или куда впоследствии устремился лихой водяной — развенчанный дух-«хозяин» озера. Новое название водоема служит знаком-символом обновленного, христианизированного мироздания.

Если в предыдущей версии человек вступает в противоборство с персонифицированной водной стихией, то в очередном рассказе дело обстоит наоборот. Персонифицированные водные стихии, объединив свои усилия, восстают против деятельности человека в пределах водного пространства.

Предпосылкой данной кризисной ситуации служит вторжение человека в природную среду, не санкционированное ни ритуалом, ни этикетом. На Черном ручье, который впадает в Ильмень-озеро, люди построили мельницу, которая, как уже говорилось, символизировала их бытие. При этом они не испросили у персонифицированного ручья разрешения на постройку, не исполнили соответствующего ритуала, и прежде всего обряда жертвоприношения. Тем самым воздвигнутое сооружение не вписалось в систему мироздания. В результате в данном микрокосме нарушилось необходимое для его устойчивости равновесие. Не случайно обитающая в Черном ручье рыба взмолилась к нему с просьбой о своей защите: «Было де нам и просторно и привольно, а теперь лихой человек отнимает у нас воду» [Куприянов 1853]. Черный ручей, как и Ильмень-озеро, с одной стороны, выступает в облике водной стихии, а с другой, они оба антропоморфизируют-

ся. Однако даже в человеческой ипостаси Черный ручей сохраняет признаки черной воды: он одет во всё черное. В то же время Ильмень-озеро удерживает за собой колористику синей воды; оно узнаваемо в высоком плотном мужике, одетом во всё синее: синий кафтан, синие шаровары, синяя шапка. Между Ильмень-озером и Черным ручьем существуют родственные отношения, что служит символическим выражением впадения ручья в озеро. Во всяком случае Ильмень-озеро в этом этиологическом мифе именуется «дядюшкой». К нему-то, в свою очередь, и обращается с жалобой на строителей мельницы Черный ручей. От воли Ильмень-озера как более могущественной по сравнению с ручьем водной стихии зависит судьба этого сооружения, а значит, и человеческого бытия: «“Как ты, мол, прикажешь, так и будет!” <...> “Не бывало этого прежде, да и не будет!”» [Куприянов 1853, 26] — таков вердикт всемогущего Ильмень-озера, изображаемого в роли блюстителя исконных устоев мироздания. Согласно фольклорно-мифологической логике, постройка возводилась без ритуального согласования с мифическими силами, и потому она обречена на разрушение: «И вот разыгрался ночью Черный ручей, разгулялось Ильмень-озеро, поднялась буря — и яростные волны снесли мельницу» [Куприянов 1853, 26]. Надо полагать, мир находится на грани возвращения к темному бесформенному хаосу, который породил великие воды. В нашем случае знаками-символами беспорядочного хаоса служат буря, волны и, конечно, поток воды, сносящий данную постройку как воплощение человеческого бытия. Порожденный мраком (ночью), подобный хаос, тем не менее, содержит способность к восстановлению упорядоченного мироздания: «В мифах сотворение земли часто начинается с грозы, наводнения или потопа» [Шахнович 1971, 163—164].

Однако нарушение гармонии между мирами, проявлением которого служат катаклизмы, может и не быть спровоцировано человеком. Согласно древним представлениям, катаклизмы случаются в условиях перехода самих мифических существ из одного состояния в другое,

при перемещении их из одного водоема в другой. Нередко данная коллизия обусловлена достижением очередного этапа в их жизненном цикле, приравненном к человеческому. Переживая период лиминальности, мифические существа оказываются в промежутке между мирами: они ни здесь, ни там, но одновременно они и здесь, и там. Состояние равновесия, столь необходимое для стабильности мироздания, на какой-то период утрачивается, что влечет за собой проявления некоторых признаков хаоса: вода смешивается с землей (песком и глиной), превращаясь в серую массу, которая находится в бурном движении, сопровождаемом звуком-шумом. Всё это признаки творения, в данном случае — переустройства мироздания.

В качестве примера приведем сюжет о женитьбе сына машезерского водяника на дочери лососинского водяника. Этот сюжет основан на параллелизме между природными стихиями и мифическими существами. Причем данный параллелизм еще не стал поэтически тропом, оставаясь в пределах мифологических образов. Тем не менее, он уже достаточно обозначен. Как реки вытекают из озер Машезера и Лососинского, так и мифические поезжане жениха и невесты продвигаются по этим рекам в одном направлении. Подобно рекам, которые на половине своего пути-течения сливаются в одну реку — Лососинку, мифические жених и невеста (сын и дочь соседней-водяников) соединяются здесь в общем свадебном поезде. И если Лососинка, соединившая в себе обе реки, впадает в Онежское озеро, то и молодые, персонифицируемые водные стихии, избирают это озеро для совместного житья-бытья. Унося с собой приданое невесты, которое дал своей дочери отец — лососинский водяник, они увлекают с потоком и прибрежные заводские постройки, и частные домишки вместе с казенным имуществом и людскими пожитками [Чудинов 1864]. Такова в свете мифологического мировосприятия первопричина наводнения, случившегося в Петрозаводске в 1800 г.

Переустройство мироздания, «стимулированное» свадьбой дочери водяного, изображается и в другом этиологическом мифе. В нем отсутствие сообщения между Кенозером и Водлозером, которое якобы прежде имело место, объясняется разрывом отношений между двумя духами-«хозяевами» соседних озер. Причиной разлада послужило то обстоятельство, что один из них, кенозерский, посватавшись к дочери водлозерского «хозяина», получил отказ. Тогда кенозерский водяной засыпал большими камнями дорогу (надо полагать, водную дорогу к обидчику — залив или ручей), чтобы никогда с ним больше не встречаться [Харузин 1894, 321—322]. Фольклорно-мифологическая логика такова: сообщение между природными объектами длится до тех пор, пока между представляющими их мифическими существами поддерживается связь, родственная либо дружеская. Тем самым формирование ландшафта осмысливается как проявление этих отношений. Причем в мифических существах, причастных к формированию ландшафта, обнаруживаются рудиментарные признаки демиургов.

Другое преобразование связанного с Водлозером ландшафта также имеет бытовую мотивировку. Отдавая свою дочь замуж за пречистенского водяного, старый ильинский водяной (наименования этих мифических существ в данном случае соответствуют названиям здешних храмов) выделил ей в приданое целый остров. Ранее этот остров находился близ реки Илексы, впадающей в Водлозеро. Ведомый петухом, он приплыл к месту нового проживания дочери и остановился неподалеку от Куганаволока, где и теперь стоит. По народным верованиям, в память о петухе, доставившем остров, он был назван Петуньим [Харузин 1894, 322].

В другом варианте Петуний остров оторвался от другого острова, также расположенного неподалеку от реки Илексы. Предполагалось, что оторванная часть острова присоединится к Куганаволоку, чтобы напоминать молодухе, вышедшей туда замуж, о «родимой сторонущке». Однако в силу определен-

ных обстоятельств, связанных с нарушением запрета, этому замыслу не суждено было осуществиться. Не доплыв полверсты до места назначения, остров, как и в ранее рассмотренном варианте, остановился [Б-в 1867; НА КарНЦ РАН. 40. № 4]. Тем самым здесь в основе творения или переустройства мира лежит не только воля демиурга, в роли которого выступают и водяной, и петух, но и действия противостоящих им сил. Причем сочетание сознательного и стихийного в акте создания/перевоссоздания мира/земли может давать разные конфигурации.

Плавающий остров — символ незавершенности сотворения/переустройства мира, и прежде всего земли. Его стабилизация — знак относительной законченности этого процесса, хотя он может завершиться и вопреки ожидаемым результатам.

Таким образом, любые катаклизмы и изменения водного ландшафта местности в этиологических рассказах осмысляются как результат состязания либо противоборства мифических сил между собой или с людьми. Перевоссоздание/переустройство мира, ограниченного рамками ойкумены, интерпретируется и как перемена состояния/статуса мифических существ. Причем персонификация самих водоемов сосуществует с выделением их духов-«хозяев» из озерного или речного фона.

Литература

- Барсов 1874 — *Барсов Е. В.* Северные сказания о лембоях и удельниках // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1874. Т. 13. Вып. 1. Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 1. С. 87—90.
- Б-в 1867 — *Б-в Н.* Кладовой и Петуний острова на озере Водлозере (Народное предание) // Олонецкие губернские ведомости. 1867. № 38. Часть неофициальная. С. 695.
- Беседников 1875 — *Беседников П.* Куштозерский приход и озеро Куштозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 68. Часть неофициальная. С. 766—768.
- Георгиевский 1904 — *Георгиевский А.* Креснозеро (Легенда) // Олонецкие губернские ведомости. 1904. № 43. Часть неофициальная. С. 3.

Георгиевский 1901 — *Георгиевский М. Д.* Кое-что об олонцких рыбаках // Олонецкие губернские ведомости. 1901. № 42. Часть неофициальная. С. 2.

Криничная 2011 — *Криничная Н. А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011.

Куприянов 1853 — *Куприянов И. К.* Предание о Черном ручье // Вестник Имп. Русского географического об-ва. СПб., 1853. Ч. 7. Кн. 1. Отд. 8. С. 25—26.

Максимов 1903 — *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Перетц 1894 — *Перетц В. Н.* Деревня Будогоща и ее предания // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 3—18.

Тэйлор 1939 — *Тэйлор Э.* Первобытная культура / пер. с англ. М., 1939.

Харузин 1894 — *Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. III. С. 302—346.

Чудинов 1864 — *Чудинов И.* Наводнение в Петрозаводске в 1800 году (Из воспоминаний коренного старожила) // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 21. Часть неофициальная. С. 85.

Шахнович 1971 — *Шахнович М. И.* Первобытная мифология и философия: Предыстория философии. Л., 1971.

Юнг 1998 — *Юнг К. Г.* Психология бессознательного / пер. с нем. М., 1998. С. 78, 82.

Сокращения

НА КарНЦ РАН — Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Последующие цифры обозначают номер коллекции и номер текста в ней.

Summary. *The paper considers a set of etiological stories based on the archetype of world creation/re-creation aligned with the local landscape. According to folk beliefs, competition and confrontation of mythical creatures both among themselves and with people was the original cause of natural disasters. Those disasters (water-related in our case) cause chaos with the following rearrangement of the universe. Transformation of the landscape is the result, both spontaneous and intentional, of the activities of mythical powers.*

Key words: *etiological story, mythical creature, confrontation, water disasters, rearrangement of the universe.*